

СООТНОШЕНИЕ ИМПЛИЦИТНЫХ И ЭКСПЛИЦИТНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ У РУССКИХ И НЕМЦЕВ

Г.С. Шляхтин, С.В. Давыдов

В статье обсуждаются результаты исследования, направленного на выявление этнических стереотипов русских и немцев. Основной акцент в работе ставится на сравнение эксплицитных и имплицитных стереотипов, полученных на основании соответственно прямых и новых косвенных методов измерения. Выявлены различия между результатами обоих видов измерения и обсуждаются причины возможной диссоциации.

Русских и немцев связывает длительная и непростая история отношений, менявшихся в очень широком диапазоне от полного неприятия и ненависти до уважения и признательности. Менялись и представления этих двух народов друг о друге – при этом нельзя не упомянуть об уникальных обстоятельствах, в которых формировались и развивались эти представления.

Во-первых, это наличие огромных по численности групп этнических немцев, перемещавшихся из Германии в Россию (XVIII век), и обратно, из России в Германию, – в конце XX столетия. Во-вторых, это две мировые войны, столкнувшие народы этих стран, и, с другой стороны, периоды очень тесного экономического и культурного сотрудничества. В-третьих, это наличие на протяжении жизни нескольких поколений разного социально-политического и идеологического строя, существовавшего в этих странах.

В связи с этим представляется весьма важным и интересным исследовать существующие на сегодняшний день представления этих двух народов друг о друге, причем не только сознательно декларируемые, но и неосознаваемые и, возможно, в какой-то части скрываемые, маскируемые.

Первые эмпирические исследования таких представлений, сложившихся у членов одного этноса о членах другого этноса (этнических стереотипов) появились в 20х годах XX века и преследовали цель доказать, что такие стереотипы действительно существуют. Современные подходы рассматривают стереотипы как функциональные, адаптивные процессы, играющие центральную роль в социальном восприятии (см. напр. [35]), а сам процесс стереотипизации определяется как формирование «...совокупности ассоциаций, связывающих целевую группу с набором описательных характеристик» [14, с. 81].

В большинстве случаев в этих исследованиях этностереотипов применялись методы прямого опроса и психосемантические методы, использующие либо самооценку, либо экспертные оценки – т.е. методы, опирающиеся на использование осознаваемой информации о себе и о других людях. Такие методы получили название «**эксплицитные**» и их примерами могут быть методика оценки степени выраженности качеств (свойств), методика приписывания качеств из заданного набора, процентная методика Дж. Брайема, диагностический коэффициент К. Макколи и К. Ститта, семантический дифференциал (с использованием преимущественно биполярных шкал).

Вместе с тем в последние годы при проведении психологических исследований этнических стереотипов как особого вида социальных установок значительно вырос интерес к применению особой подгруппы косвенных методов измерения – так называемых **имплицитных** методов [12, 18, 19, 23]. Например, имплицитный ассоциативный тест (сокращенно ИАТ) Гринвальда и др. [23];

«Go/No-Go» ассоциативный тест (ГНАТ) Б. Носека [29], аффективный тест (ЕАСТ) Де Хоувер [12].

Активное использование новых подходов и методов исследования в этой области было обусловлено двумя основными причинами.

Во-первых, критикой по отношению к традиционно применяемым прямым (эксплицитным) методам для выявления характеристик этнических стереотипов. Эти методы зачастую выявляют не истинные, а социально желаемые ответы опрашиваемых, которые те дают, лишь бы не получить ярлык «враждебно настроенных к иностранцам» [14]. С другой стороны, нельзя исключать и того, что «истинные» стереотипы в отношении другой этнической группы являются для опрашиваемых неосознаваемыми и, таким образом, интроспективно недоступными [22, 28]. Кроме этих двух основных недостатков (социальная желательность и недостаточность интроспекции), у этих методов существуют и другие минусы, например, различные тенденции ответов («да-тенденция», тенденция к крайним ответам), ошибки воспоминания, невнимательность, позиционные эффекты и др. [26].

Во-вторых, в социально-психологических исследованиях все большее внимание стало уделяться изучению так называемых **«автоматизированных»** (т.е. не требующих прямого сознательного контроля и сознательной регуляции) процессов переработки информации [10, 21, 22]. При этом особое внимание уделяется изучению таких «автоматизированных», или имплицитных образований («конструктов»), как имплицитные установки и стереотипы [7, 13, 15, 17, 23]. Гринвальд и Банаджи определили имплицитные конструкты как *«...интроспективно не опознанные (или неверно опознанные) следы прошлого опыта, которые опосредуют благоприятные или неблагоприятные эмоции, мысли или действие по отношению к социальным объектам»* [22, с. 8]. Повышенный интерес к их изучению обуславливался результатами многих исследований, показавших, что имплицитные конструкты, являясь, как правило, неосознаваемыми, зачастую не могут быть выявлены при использовании прямых методов, но наряду с сознательно контролируруемыми конструктами могут оказывать влияние на поведение людей [8, 22]. При этом результаты, полученные при помощи имплицитных (косвенных) методов, во многих случаях обнаруживают слабую корреляцию с результатами, полученными при помощи эксплицитных (прямых) методов, что вынудило исследователей говорить о существовании имплицитно-эксплицитной диссоциации [16] и привело к образованию двух принципиально различных взглядов на природу эксплицитных и имплицитных конструктов.

Подход, представленный прежде всего работами Гринвальда [23,24] и названный *теорией единственной установки*, утверждает, что в отношении того или иного социального объекта может иметься только одна-единственная «истинная» установка. В этом случае отличие прямых и косвенных методов измерения состоит лишь в том, насколько непосредственно и точно они могут выявлять эту основополагающую установку. Гринвальд полагает, что лишь косвенные методы могут без помех выявлять эту истинную установку. В его теории имплицитная и истинная установка являются синонимами. Что же касается прямых методов, то их пригодность правильно выявить истинную установку зависит от того, насколько эта установка является осознаваемой индивидуумом и насколько он готов открыто сообщить ее.

Другая точка зрения, которую можно назвать *моделью двойственных установок*, утверждает, что имплицитный и эксплицитный конструкты являются независимыми друг от друга [37]. Ее авторы полагают, что оба вида установок по отношению к одному и тому же объекту могут существовать одновременно и просто не совпадать друг с другом. Они исходят из того, что эксплицитный и имплицитный компоненты двойственных установок могут быть сформированы в любом порядке или одновременно. Особая роль отводится при этом первичной социализации, а последующий опыт (социализация) вынуждает человека менять уже сформировавшиеся установки. При этом первоначальная установка не заменяется, а сохраняется в памяти и становится имплицитной, в то время как новая установка является осознаваемой и эксплицитной. Эксплицитные установки и стереотипы могут меняться и эволюционировать относительно легко, в то время как имплицитные установки и стереотипы образуются в течение длительного времени и изменить их намного сложнее, поскольку они прочно укоренены избыточным научением и привычными реакциями. Такой подход, называемый рядом авторов *концепцией независимой оценки* [13, 22], предполагает, что имплицитные стереотипы являются отражением передаваемых культурой ценностей и образуются в результате многократного повторения по типу механизмов обуславливания [30, 31].

В *ассоциативной модели* Карпински и Хилтона [25] также поддерживается тезис о независимости имплицитных и эксплицитных конструктов. При этом стереотипы, измеренные при помощи прямых методов (эксплицитных), понимаются как проявление знаний (множества семантических ассоциаций), отражающих непосредственный опыт личности, связанный с общением и взаимодействием с другими людьми, в том числе и с представителями другого этноса. Стереотипы, измеренные косвенными (имплицитными) методами, понимаются как знание о людях, сформированное на основе социокультурных источников и по своему происхождению не являющееся содержанием индивидуального опыта, но становящееся его частью в процессе социализации [32].

Разделение стереотипов и установок на эксплицитные и имплицитные во многом совпадает с разделением установок на осознаваемые и неосознаваемые, существующее в рамках теории установки Узнадзе [2,3,4,5], и, на первый взгляд, было бы целесообразно пользоваться этими устоявшимися в русскоязычной психологии понятиями. Однако ставить знак равенства между имплицитными и неосознаваемыми установками и стереотипами нельзя, поскольку нет однозначного соответствия между понятием «имплицитный» и «неосознаваемый». По вопросу неосознаваемости-осознаваемости имплицитных конструктов столь же много точек зрения, как и в вопросе о самой природе имплицитных и эксплицитных конструктов. Так, если в понимании Гринвальда [22] имплицитная установка является неосознаваемой, то Фезио и Олсон абсолютно не уверены в этом: «...откуда нам знать, что индивиды не осознают свои установки? Ни один из современных косвенных методов измерения, будь то прайминг, ИАТ и др., не гарантирует, что испытуемые не осознают свои установки...Несоответствие результатов, полученных при помощи прямых и косвенных методов не должно считаться доказательством того, что конструкт, измеренный при помощи косвенных имплицитных методов, является неосознаваемым конструктом» [18, с. 302].

Вместе с тем, несмотря на такое разнообразие трактовки понятия «эксплицитный-имплицитный», эти понятия и соответствующие им методы отражают различные стороны исследуемых явлений. Совместное применение эксплицитных и имплицитных методов может позволить получить не только дополнительную информацию о взаимоотношениях этих методов, но и новое знание о самом объекте изучения – этнических стереотипах.

В соответствии с вышеизложенной основной целью данного исследования было выяснить, каковы особенности этностереотипов немцев и русских, выявляемые при помощи эксплицитных и имплицитных методов, а также в какой степени, согласно концепции социальной идентичности [36], проявится предпочтение (более высокая оценка) собственной этнической группы над чужой [20, 34], особенно при применении косвенных, имплицитных методов измерения.

Методики исследования

Использувавшиеся методики исследования выбирались в соответствии с их способностью выявить особенности этностереотипов немцев и русских как при помощи прямых оценок, так при использовании косвенных (имплицитных) методов. В качестве **объектов** оценивания (прямого и косвенного) выступали образы «**типичного русского**» и «**типичного немца**». Набор стереотипных качеств для проведения прямого опроса и имплицитного теста определялся по специально разработанному нами алгоритму из 64 личностных качеств, использовавшихся в работах Пибоди и Шмелева [1, 33]. Окончательный набор этих качеств включает в себя 10 положительных и 10 отрицательных свойств личности, большинство из которых представляют собой полюса биполярных шкал: веселый-угрюмый, трудолюбивый-ленивый, умный-глупый, приятный-неприятный, откровенный-лицемерный, миролюбивый-агрессивный, гибкий-жесткий, прощающий-придирчивый, уверенный-неуверенный, независимый, скупой.

Исследование включало в себя 2 серии.

В 1-й серии использовался прямой (эксплицитный) метод – испытуемым предлагался опросник, в котором от них требовалось по 4-балльной шкале оценить выраженность отдельно положительных и отрицательных качеств у типичного русского и типичного немца. Такой способ оценки (т.е. замена 10 биполярных шкал на 20 однополярных) был обусловлен необходимостью сопоставления получаемых оценок с результатами имплицитного теста.

Во 2-й серии использовался имплицитный метод, в качестве которого был выбран Go/No-Go ассоциативный тест Носека (кратко ГНАТ [29]). Данный тест основан на измерении времени реакции и базируется на ассоциативной модели понимания стереотипов как семантической сети связанных атрибутов (свойств) [9, 27]. Чем сильнее ассоциация между атрибутом (напр., свойством личности) и той или иной социальной категорией (напр., наименованием этнической группы), тем меньше время реакции требуется для извлечения информации из памяти. Другими словами, чем более сильной оказывается ассоциация между атрибутами и определенной социальной категорией, тем более выраженным оказывается стереотип. Процедура теста состояла из 4 тренировочных и 8 экспериментальных серий, при выполнении которых испытуемый должен был максимально быстро решить, принадлежат ли появляющиеся на экране монитора слова к определенной категории или нет, и отреагировать нажатием или ненажатием клавиши <пробел> на клавиатуре ПЭВМ. В качестве основного регистрируемого показателя бралось

время реакции – интервал времени между моментом появления на экране ПЭВМ стимульной пары слов и моментом нажатия на клавишу.

Тренировочные серии состояли из 21 пробы, в которых в случайной последовательности предъявлялись слова положительной (напр., «умный», «веселый») или отрицательной (напр. «глупый», «придирчивый») валентности. В первой тренировочной серии нужно было решить, относятся ли слова к категории «положительный», во-второй – относятся ли они к категории «отрицательный». В третьей и четвертой сериях в качестве категорий выступали «русский» и «немец», а в качестве стимулов выступали русские и немецкие фамилии. Экспериментальные серии состояли из 219 проб и комбинировали положительные и отрицательные качества с категориями «русский» и «немец». При подготовке полученных имплицитных данных для статистической обработки мы в первую очередь ориентировались на работу Носека и Банаджи [29]. Учитывались только данные 8 экспериментальных серий. Из рассмотрения исключались реакции свыше 3000 мсек как контролируемые реакции (см. [11]). Для выявления различий по каждому из качеств значение времени реакции логарифмировалось и усреднялось для каждой из серий. Далее вычислялась разница для каждого из свойств для стереотипно противоречивых и непротиворечивых серий.

Для проведения исследования было сформировано две выборки: российская и немецкая. Российская выборка включала 83 человека – студентов университета г. Нижнего Новгорода (22 мужчины и 61 женщина). Средний возраст испытуемых составил 21,1 года ($SD = 2.19$, мин = 18, макс = 25). Немецкую выборку составили 55 немецких студентов университетов Мюнстера и Бонна (Германия) (13 мужчин и 42 женщины). Средний возраст испытуемых составил 21,5 года ($SD = 2.41$, мин = 18, макс 24). Всем испытуемым перед началом теста было сообщено, что им предстоит принять участие в кросскультурном российско-немецком исследовании. Сначала в бланковом варианте проводилось заполнение прямого опросника, а затем на компьютере выполнялся имплицитный тест.

Результаты и их обсуждение

Полученные данные позволили определить особенности этнических стереотипов, касающихся некоторых личностных характеристик русских и немцев. В табл. 1 даны виды и обозначения исследованных этностереотипов.

Таблица 1

Матрица видов исследованных этностереотипов и их обозначения

Группа испытуемых	Объект оценивания	
	Типичный русский	Типичный немец
Русские	Аугостереотип русских – АР (представление русских о самих себе*)	Гетеростереотип немцев – ГН (представление русских о типичном немце)
Немцы	Гетеростереотип русских – ГР (представление немцев о типичном русском)	Аугостереотип немцев – АН (представление немцев о самих себе)

* – данное разъяснение не является определением, а носит поясняющий характер.

Особенности каждого из этих четырех этностереотипов оценивались дважды – в I серии с помощью прямой (эксплицитной) оценки и их обозначения маркировались индексом «э», во II серии – с помощью имплицитного метода и маркировкой индексом «и», в результате чего были получены 8 основных показателей: **АРэ, ГРэ, ГНэ, АНэ; АРи, ГРи, ГНи, АНи**.

Полученные данные были обработаны с помощью факторного анализа, результаты которого приведены в табл. 2. Приведенное в табл. 2 трехфакторное решение объясняет 85% всей изменчивости показателей и дает весьма четкую картину распределения показателей по факторам.

Таблица 2

Факторные веса показателей для оцениваемых объектов и разных методов исследования
(И – имплицитный метод, Э – эксплицитный метод)

Объект оценивания, метод исследования, показатели			Факторы		
			F1	F2	F3
«Типичный русский»	И	Аугостереотип русских (АРи)	0,864	0,372	0,161
		Гетеростереотип русских (ГРи)	0,905	-0,025	-0,293
	Э	Аугостереотип русских (АРэ)	0,180	0,919	0,025
		Гетеростереотип русских (ГРэ)	0,153	0,746	0,305

«Типичный немец»	И	Аугостереотип немцев (АНи)	0,851	0,313	-0,208
		Гетеростереотип немцев (ГНи)	0,794	-0,436	0,078
	Э	Аугостереотип немцев (АНэ)	-0,167	-0,117	0,888
		Гетеростереотип немцев (ГНэ)	-0,094	0,332	0,890
Процент дисперсии, объясняемой фактором			38	24	23

В первый фактор (F1) с наибольшими весами вошли показатели, полученные имплицитным методом (факторные нагрузки эксплицитных методов пренебрежимо малы), и с полным основанием он может быть назван фактором «имплицитности».

Во втором (F2) и третьем (F3) факторах наибольшие веса имеют эксплицитные показатели. Причем фактор F2 объединил показатели, отражающие особенности сложившегося образа «типичный русский» у русских испытуемых и у немецких, а фактор F3 – показатели, характеризующие образ «типичный немец» также у

русских и немецких испытуемых. Это позволяет обозначить эти факторы как факторы «национальности» – русской и немецкой соответственно.

Такое распределение показателей по факторам позволяет сделать два важных вывода.

Во-первых, *имплицитные и эксплицитные методы действительно измеряют либо разные явления, либо разные характеристики одного и того же явления*, что подтверждают имеющиеся в литературе данные [6, 14, 17, 23, 25, 37].

Во-вторых, *в имплицитных показателях отражаются представления о тех универсальных качествах объекта оценивания, которые не зависят от субъекта и объекта оценивания, – т.е. кто и кого оценивает, тогда как эксплицитные методы дают результаты, зависящие от объекта оценивания (кого оценивают), но не зависящие от субъекта (кто оценивает).*

В применении к конкретным использованным показателям это можно представить следующим образом.

Имплицитные методы выявляют наличие в представлениях о человеке тех качеств, которые присущи представителям всех национальных групп, принимавших участие в исследовании – русских и немцев, – эту общность предположительно можно обозначить как «европейцы». Этот вывод хорошо согласуется с точкой зрения Олсона и Фезио [32], рассматривающих полученные при помощи имплицитных методов стереотипы как некую общую культурную норму или внеличностные ассоциации в противовес личностным ассоциациям, измеряемым при помощи прямых методов.

Эксплицитные методы выявили существующие в сознании европейцев представления о том, какими являются «типичный русский» и «типичный немец». *То есть имплицитный метод выявил в большей степени сходство объектов оценивания (что в них общего, их принадлежность к одному множеству), а эксплицитный – их отличие (принадлежность к разным подгруппам этого множества).*

Более детальные результаты были получены в итоге проведения анализа корреляционных связей показателей (табл. 3).

Таблица 3

Корреляционная матрица для оцениваемых объектов, методов исследования и групп испытуемых (И – имплицитный метод; Э – эксплицитный метод)

Объект оценивания		«Типичный русский»				«Типичный немец»				
		Имплицитный		Эксплицитный		Имплицитный		Эксплицитный		
Метод исследования		Рус. АРи	Немцы (ГРи)	Русские (АРэ)	Немцы (ГРэ)	Немцы (АНи)	Русские (ГНи)	Немцы (АНэ)	Русские (ГНэ)	
Группа испытуемых (Показатели)		Рус. АРи	Немцы (ГРи)	Русские (АРэ)	Немцы (ГРэ)	Немцы (АНи)	Русские (ГНи)	Немцы (АНэ)	Русские (ГНэ)	
«Типичный русский»	И	Аугостереотип русских (АРи)	—	0,660**	0,534*	0,392	0,801***	0,538*	-0,043	0,166
		Гетеростереотип русских (ГРи)		—	0,122	-0,039	0,867***	0,635**	-0,336	-0,367
	Э	Аугостереотип русских (АРэ)			—	0,574**	0,424	-0,257	-0,066	0,296

		Гетеростереотип русских (ГРэ)				—	0,192	-0,054	0,049	0,484*
«Типичный немец»	И	Аутостереотип немцев (АНи)					—	0,387	-0,283	-0,142
		Гетеростереотип немцев (ГНи)						—	-0,145	-0,130
	Э	Аутостереотип немцев (АНэ)							—	0,688***
		Гетеростереотип немцев (ГНэ)								—

* – $p < 0,05$; ** - $p < 0,01$; ***- $p < 0,001$

Результаты корреляционного анализа подтверждают существенное расхождение в оценках стереотипов, измеренных разными методами.

Так, оценка личностных качеств представителей другого этноса (гетеростереотип), измеренная с помощью прямого опроса, не коррелирует с оценкой, полученной имплицитным методом. Это справедливо и для русской, и для немецкой выборок – в обоих случаях коэффициенты корреляции близки к нулю: $r(ГНэ, ГНи) = -0,130$; $r(ГРэ, ГРи) = -0,039$. Это означает, что использованные методы измеряют разные или не связанные характеристики. Либо, согласно модели двойственных установок [8, 14, 20] и ассоциативной модели [23], следует признать наличие разных видов (уровней) этностереотипов: один – осознаваемый и демонстрируемый в ответах на прямые вопросы, другой – скрытый и, возможно, неосознаваемый.

В оценке качеств представителей своего этноса (аутостереотип) картина менее однозначна. Эксплицитные и имплицитные оценки положительно и достаточно тесно связаны в русской выборке – $r(АРэ, АРи) = 0,534$ ($p < 0,05$), тогда как в немецкой группе испытуемых имеется тенденция к отрицательной, хотя и недостоверной связи $r(АНэ, АНи) = -0,283$.

При прямом измерении в аутостереотипе русского наиболее выраженными оказались такие черты, как: *веселый, откровенный, прощающий, умный, приятный*, занимающие первые 5 ранговых мест. Имплицитное измерение практически сохраняет такой же порядок предпочтений: первые пять ранговых мест, пусть и в другой последовательности, заняли 4 из 5 ранее выявленных качеств: *веселый, умный, приятный, откровенный*. Пятое ранговое место заняло такое качество, как «трудолюбивый», а вот такая черта, как «прощающий», оказалась лишь на 9-й позиции.

В аутостереотипе же немцев при прямом измерении наиболее значимыми оказались следующие качества: *трудолюбивый, независимый, угрюмый, скупой (бережливый)*, а в случае имплицитного измерения первые четыре ранговых места заняли совершенно иные качества: *откровенный, веселый, миролюбивый, трудолюбивый*, что практически совпадает с имплицитным аутостереотипным образом русского – $r(АРи, АНи) = 0,828$; ($p < 0,001$), а ранее доминировавшие

качества – *независимый, угрюмый, скупой* заняли лишь 20, 10 и 18-е ранговые места соответственно.

В качестве возможной причины такого расхождения можно выдвинуть предположение о разном содержании эксплицитных/имплицитных аутостереотипов и ожиданий социального окружения относительно них в разных этнических культурах.

Возможно, содержанием имплицитных аутостереотипов является образ такого человека, каким мы *хотели бы* видеть представителя своей этнической группы (или каким он является в действительности), тогда как содержание эксплицитных аутостереотипов – каким он *должен* быть в глазах других, каким его ожидают увидеть окружающие. Немецкое общество и культура по сравнению с русской являются более требовательными и жесткими в отношении непосредственных проявлений некоторых личностных черт и эмоций, в большей степени опираются на категорию *долженствования* – «немец должен быть таким, каким он должен быть». Русское общество более терпимо относится к проявлению «самости» личности, и потому у русских эксплицитные и имплицитные аутостереотипы идентичны – они в большей степени могут позволить себе «быть таким, каким хочу».

Отметим, что эта особенность аутостереотипа немцев проявляется и в соотношениях с другими показателями. Так, если по данным имплицитного метода имеет место несомненное сходство аутостереотипов русских и немцев ($r(\text{АРи}, \text{АНи}) = 0,828$; ($p < 0,001$)), то эксплицитный метод показывает их несхожесть ($r(\text{АРэ}, \text{АНэ}) = -0,066$). Имплицитные оценки *немцами* себя и русских обнаруживают, что эти два образа очень сходны ($r(\text{АНи}, \text{ГРи}) = 0,867$; ($p < 0,001$)), тогда как эксплицитные оценки говорят об отсутствии такого сходства ($r(\text{АНэ}, \text{ГРэ}) = 0,049$). Оценка *русскими* себя и немцев не столь противоречива, хотя общая тенденция сохраняется: $r(\text{АРи}, \text{ГНи}) = 0,538$; ($p < 0,05$), $r(\text{АРэ}, \text{ГНэ}) = 0,294$ – т.е. имплицитный метод выявляет сходство, эксплицитный – нет.

В отношении представления о другом этносе (русских о немцах и немцев о русских) расхождений между методами нет: $r(\text{ГРэ}, \text{ГНэ}) = 0,484$ ($p < 0,05$), $r(\text{ГРи}, \text{ГНи}) = 0,635$; ($p < 0,01$). Оба метода показывают, что образ «типичный русский» у немцев и «типичный немец» у русских достаточно схожи.

Весьма важным для понимания этностереотипов является их «окрашенность» в положительные или отрицательные оттенки – то есть в какой степени полагаются выраженными у представителей своего и другого этноса положительные и отрицательные качества. Относительное преобладание одних или других может выступить как своеобразный показатель степени субъективного «принятия-непринятия» образа этноса.

В связи с этим для дальнейшего анализа результатов используется показатель M , характеризующий соотношение выраженности положительных и отрицательных качеств в ауто- и гетеростереотипах (хотя для некоторых свойств это разделение и является спорным). По своей сути показатель M представляет собой разницу между средними значениями оценок степени выраженности каждого из десяти положительных качеств личности, дававшимися испытуемыми обеих выборок (веселый, трудолюбивый, умный, приятный, откровенный, миролюбивый, гибкий, прощающий, уверенный, независимый), и средними значениями оценок выраженности отрицательных качеств (угрюмый, ленивый, глупый, неприятный, лицемерный, агрессивный, жесткий (негибкий), придирчивый, неуверенный, скупой).

$$M_{\varepsilon, u} = M(+)\varepsilon, u - M(-)\varepsilon, u,$$

где $M(+)$ – среднее значение оценок выраженности 10 положительных качеств по всем испытуемым выборки; $M(-)$ – среднее значение оценок выраженности 10 отрицательных качеств по всем испытуемым выборки; ε, u – эксплицитный или имплицитный метод.

Соответственно было рассчитано 8 значений M , характеризующих полученные с помощью двух методов преобладание в каждом из рассматривавшихся 4 этностереотипов (см. табл. 1) положительных (в этом случае $M > 0$) и отрицательных (тогда $M < 0$) качеств. Полученные результаты приведены на рис. 1.

Из них видно, что, по данным эксплицитного метода (рис. 1а), имеет место преобладание положительных черт во всех 4 этностереотипах. При этом для русской выборки характерно преобладание положительных черт в ауостереотипе (самооценке), причем значение показателя M является наибольшим по абсолютной величине из всех и достоверно выше нуля ($p < 0,001$) и также достоверно превышает степень представленности положительных черт в образе «типичный немец» ($p < 0,05$). Положительные черты существенно больше представлены и в самооценке русских (АРэ) по сравнению с самооценкой немцев (АНэ) ($p < 0,001$) и оценкой немцев образа «типичный русский» ($p < 0,001$).

Для немецкой выборки характерны более низкие абсолютные значения показателя преобладания в этностереотипах положительных качеств. Достоверно ($p < 0,001$) преобладает выраженность этих черт в представлениях немцев о «типичном русском» (ГРэ), тогда как в оценке немцев самих себя (АНэ) нет преобладания положительных или отрицательных черт.

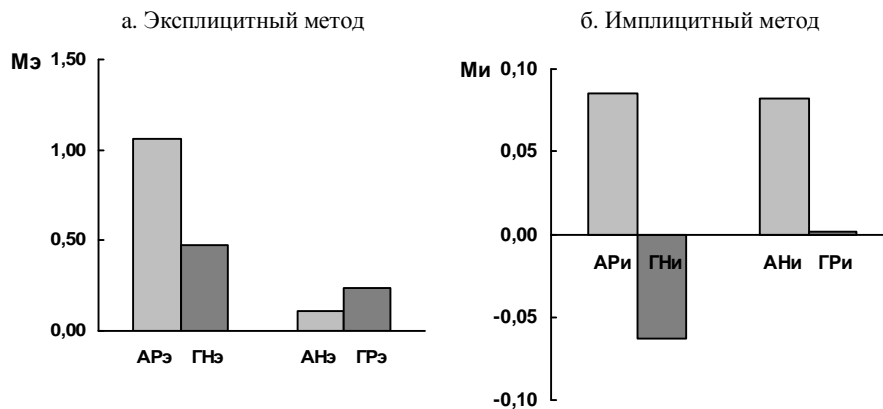

Рис 1. Выраженность положительных и отрицательных личностных черт в этностереотипах русских и немцев (пояснения см. в тексте)

Таким образом, можно утверждать, что эксплицитный метод показывает сдвиг этностереотипов в сторону преобладания в них положительных черт, что в целом соответствует приводившимся выше литературным данным. Вместе с тем для

русской выборки характерна более высокая степень представленности в ауто- и гетеростереотипах положительных личностных свойств, тогда как немецкой выборке присуща более осторожная и близкая к нейтральной оценка.

Иная картина открывается при переходе к результатам имплицитного метода (рис. 16). По-прежнему высокой и достоверно отличающейся от нуля ($p < 0,01$) является самооценка русских (АРи). Самооценка же немцев (АНи), по данным эксплицитного опроса не отличавшаяся от нуля, теперь становится достоверно выше нуля ($p < 0,05$) и практически сравнивается в абсолютном выражении с аутостереотипом русских. Гетеростереотипы (представление о другом этносе) меняются в противоположном направлении – возрастает степень представленности в них отрицательных качеств. В немецкой выборке эксплицитный позитивный образ «типичного русского» превращается в нейтральный (ГРи), а в российской выборке эксплицитный позитивный образ «типичного немца» превращается в негативный, в котором (ГНи) отмечается достоверное ($p < 0,05$) преобладание отрицательных качеств над положительными. Также достоверным ($p < 0,001$) является различие между самооценкой русских (АРи) и их оценкой немцев (ГНи).

Таким образом, результаты имплицитного метода и, отчасти, эксплицитного подтвердили предположение о предпочтении (в смысле более позитивного оценивания) своей этнической группы по сравнению с чужой, причем в большей степени выражено предпочтение собственной группы у русских.

Одной из важных особенностей этностереотипов является соотношение восприятия образа этнической группы представителями этой группы и другой этнической группой. Степень соответствия аутостереотипа группы ее гетеростереотипу была названа Оллпортом критерием истинности этностереотипа [6]. В качестве конкретного показателя такого соответствия стереотипов могут выступить коэффициенты корреляции аутостереотипа и гетеростереотипа. Согласно табл. 3, все они положительны и три из них значимы: $r(АРэ, ГРэ) = 0,574$ ($p < 0,05$); $r(АНэ, ГНэ) = 0,684$ ($p < 0,01$); $r(АРи, ГРи) = 0,660$ ($p < 0,01$); $r(АНи, ГНи) = 0,387$. Это может свидетельствовать, согласно Оллпорту, об «истинности» стереотипа.

Вместе с тем, если взять в качестве показателя соответствия выраженность в этностереотипе положительных или отрицательных качеств (M), то картина оказывается не столь однородной. Согласно полученным данным (см. также рис. 1), в немецкой выборке по результатам имплицитной методики имеет место достоверное ($p < 0,05$) различие ауто- и гетеростереотипа (АНи, ГНи), а по данным эксплицитной методики (АНэ, ГНэ) такого различия (на достоверном уровне) нет. В российской выборке ситуация прямо противоположная – имплицитная методика не обнаруживает различий между АРи и ГРи, тогда как эксплицитная методика дает достоверное ($p < 0,001$) отличие ауто- и гетеростереотипов (АРэ, ГРэ).

В связи с этим не представляется возможным однозначно определить «истинность» исследованных стереотипов. Вполне возможно, что значение этого параметра должно по-разному определяться в зависимости от методического и содержательного контекстов.

Выводы

1. При изучении особенностей этностереотипов эксплицитные и имплицитные методы приводят к разным результатам. Можно предположить, что имплицитный

метод в большей степени выявляет в оцениваемых объектах сходство (наличие общего признака), а эксплицитный – различия (дифференцирующего признака).

2. Эксплицитные методы являются более социально зависимыми – содержание эксплицитных этностереотипов в большей степени соответствует социальным ожиданиям, чем содержание имплицитных.

3. Собственная этническая группа оценивается более позитивно, чем чужая, причем в российской выборке этот феномен выражен сильнее, чем в немецкой.

Л и т е р а т у р а

1. Пибоди Д., Шмелев А. Г., Андреева М. К., Граменицкий А. Е. Психосемантический анализ стереотипов русского характера // Вопросы психологии. 1993. № 3.

2. Прангишвили А.С. К проблеме бессознательного в свете теории установки: школа Д.Н.Узнадзе. Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Т. 1, Тбилиси, Мецниереба, 1978.

3. Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы установки. Тбилиси, 1961.

4. Узнадзе Д.Н. Основные положения теории установки. Труды. Т. 6. Тбилиси, Мецниереба, 1977.

5. Шерозия А.Е. Психоанализ и теория неосознаваемой психологической установки: итоги и перспективы. Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Т. 1. Тбилиси, Мецниереба, 1978.

6. Allport, G. (1954) *The Nature of Prejudice*. Cambridge, MA: Addison-Wesley.

7. Banse, R., Seise, J. & Zerbes, N. (2001). Implicit attitudes towards homosexuality: Reliability, validity, and controllability of the IAT. *Zeitschrift für Experimentelle Psychologie*, 48, 145–160.

8. Bargh, J.A. (1997). The automaticity of everyday life. In R. S. Wyer (Hrsg.), *The automaticity of everyday life. Advances in Social Cognition: Volume X*. Mahwah, NJ: Erlbaum.

9. Carlston DE. 1992. Impression formation and the modular mind: the Associated Systems Theory. In *The Construction of Social Judgments*, ed. L.Martin, A Tesser. Hillsdale, NJ: Erlbaum.

10. Chaiken, S. & Trope, Y. (Hrsg.) (1999). *Dual-process theories in social psychology*. New York, NJ: Guilford.

11. Chen, M. & Bargh, J.A. (1999). Consequences of automatic evaluation: Immediate behavioral predispositions to approach or avoid the stimulus. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 25, 215–224.

12. De Houwer, J. (2003). The extrinsic affective Simon task. *EXPERIMENTAL PSYCHOLOGY*, 50, 77–85.

13. Devine, P.G. (1989). Stereotypes and prejudice: Their automatic and controlled components. *Journal of Personality and Social Psychology*, 56, 5–18.

14. Dovidio, J.F. & Gaertner, S.L. (Hrsg.) (1986) *Prejudice, discrimination and racism*. Orlando, FL: Academic Press.

15. Dovidio, J.F. & Gaertner, S.L. (1993). Stereotypes evaluative intergroup bias. In D. M. Mackie & D. L. Hamilton (Hrsg.), *Affect, cognition, and stereotyping*. San Diego, CA: Academic Press.

16. Dovidio, J.F., Kawakami, K. & Beach, K.R. (2001). Implicit and explicit attitudes: Examination of the relationship between measures of intergroup bias. In

R. Brown & S. Gaertner (Hrsg.), Blackwell handbook of social psychology, Vol. 4: Intergroup processes (S. 175–197). Oxford, UK: Blackwell.

17. Fazio, R.H., Jackson, J.R., Dunton, B.C. & Williams, C.J. (1995). Variability in automatic activation as an unobtrusive measure of racial attitudes: A bona fide pipeline? *Journal of Personality and Social Psychology*, 69, 1013–1027.

18. Fazio, R.H. & Olson, M.A. (2003). Implicit measures in social cognition research: Their meaning and use. *Annual Review of Psychology*, 54, 297–32.

19. Florack, A., Scarabis, M., Bless, H. When Do Associations Matter? The Use of Automatic Associations toward Ethnic Groups in Person Judgments. *Journal of Experimental Social Psychology* 37, 2001.

20. Ford, T.E. (1992) The effect of motivation and attribute diagnosticity on stereotype formation. Unpublished doctoral dissertation, University of Maryland, College Park.

21. Greenwald, A.G. (1992). New Look 3: Unconscious Cognition Reclaimed. *American Psychologist*, 47, 766–779.

22. Greenwald, A.G. & Banaji, M.R. (1995). Implicit social cognition: Attitudes, self-esteem, and stereotypes. *Psychological Review*, 102, 4–27.

23. Greenwald, A.G., McGhee, D.E. & Schwartz, J.L.K. (1998). Measuring individual differences in implicit cognition: The implicit association test. *Journal of Personality and Social Psychology*, 74, 1464–1480.

24. Greenwald, A.G., Banaji, M.R., Rudman, L.A., Farnham, S.D., Nosek, B.A. & Mellott, D.S. (2002). A unified theory of implicit attitudes, stereotypes, self-esteem, and self-concept. *Psychological Review*, 109, 3–25.

25. Karpinski, A. & Hilton, J.L. (2001). Attitudes and the implicit association test. *Journal of Personality and Social Psychology*, 81, 774–788.

26. Lösel, F. (1995). Persönlichkeitsdaten (Tests). In R.S. Jäger & F. Petermann (Hrsg.), *Psychologische Diagnostik* (3. korr. Auflage, S. 362–379). Weinheim: Beltz.

27. Manis M, Nelson TE, Shedler J. 1988. Stereotypes and social judgment: extremity, assimilation, and contrast. *J. Pers. Soc. Psychol.* 55: 28–36.

28. Nisbett, R.E. & Wilson, T.D. (1977). Telling More Than We Can Know: Verbal Reports on Mental Processes. *Psychological Review*, 84, 231–259.

29. Nosek, B.A., & Banaji, M.R. (2001). The go/no-go association task. *Social Cognition*, 19(6), 161–176.

30. Olson, M.A. & Fazio, R.H. (2001). Implicit attitude formation through classical conditioning. *Psychological Science*, 12, 413–447.

31. Olson, M.A. & Fazio, R.H. (2002). Implicit acquisition and manifestation of classically conditioned attitudes. *Social Cognition*, 20, 89–104.

32. Olson, M.A. & Fazio, R.H. (2004). Reducing the influence of extra-personal associations on the Implicit Association Test: Personalizing the IAT. *Journal of Personality and Social Psychology*, 86, 653–667.

33. Peabody D. (1985). *National characteristics*. Cambridge (MA): Cambridge Univ. Press.

34. Schaller, M. & Maass, A. (1989) Illusory correlation and social categorization: Toward an integration of motivational and cognitive factors in stereotype formation. *Journal of Personality and Social Psychology*, 56.

35. Snyder, M. & Miene, P. (1993) On the functions of stereotypes and prejudice. In M. Zanna & M. Olson (Eds.): *The Psychology of Prejudice: The Ontario Symposium*, VII. Hillsdale: Erlbaum.

36. Tajfel H. (1982) *Social identity and intergroup relations*. Cambridge and Paris.

37. Wilson, T.D., Lindsey, S. & Schooler, T.Y. (2000). A model of dual attitudes. *Psychological Review*, 107, 101–126.

The article discusses the reasearch results aimed at revealing ethnic stereotypes by the Russians and Germans. The article is concentrated on comparing explicit and implicit stereotypes received on the basis of direct and new indirect measuring methods respectively. Differences between the results of both kinds of measuring were found and possible dissociation causes were discussed.